

Ольга Пустошинская

Лёшенька

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
П89

Пустошинская, О.

П89 Лёшенька / О. Пустошинская — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 290 с.

ISBN 978-5-517-09211-3

Тысяча девятьсот шестнадцатый год. У трёхлетнего Лёшеньки тяжело заболевает мать. Чувствуя близкий конец, она берёт слово с сестры не бросать Лёшу. Так он оказывается в соседней деревне у тёти, а у задиристого Яшки и его сестры Полины появляется маленький брат. С первых же дней выясняется, что Лёша — необычный ребёнок, способный угадывать будущие события, находить потерянные вещи, видеть то, что скрыто от других глаз.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-09211-3

© Пустошинская О., 2022
© Нотыч А., оформление, 2022
© Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СИРОТА

Полинка давно спала, завернувшись с куклой в лоскутное одеяло, а у Яшки сна ни в одном глазу. Затаился на печи, изо всей мочи вслушиваясь в разговор.

— Не дело ты выдумала, Вера, — голос у отца был глухой и сердитый, — жить как будем? Муки в ларе только до весны хватит.

— Что будет, то и подам на стол. Где двое, там и третьему ложка супу найдётся, — упрямо ответила мамка, и Яшка будто воочию увидел её нахмуренный лоб и сжатые губы. Если она что-то решила — нипочём не переубедишь.

Второй год шла война, досыта не ели уже давно. Мать добавляла в квашню мятую картошку — сэкономила муку, супы постные варила. Хорошо, что была корова-кормилица, без неё хоть околевай.

— Да было бы что подать! — откашлялся отец. — В городе приют есть, должны взять сиротку: отец на войне сгинул, мать померла.

— Я не могу... Я сестрице Софье обещалась не бросать Лёшеньку, родная же кровь... Господи, Егор, да ты бы видел его, мальчонка чудесный, как ангелок!

— Своих ангелков двое, — проворчал отец. Помолчал, свернул и закурил самокрутку. — Ладно, возьмём, а там видно будет... У соседки, говоришь, он?

— У соседки! — обрадовалась мать. — Я лошадь у Ульяна попрошу, вещи надобно перевезти.

На другой день они уехали в Андреевку, оставив старшего Яшку присматривать за сестрёнкой.

Полинка сидела возле замёрзшего окошка, рисовала пальчиком узоры на стекле и напевала какую-то песенку без слов.

— А какой он, этот братик? — обернулась она.

— Весной тётя Софья с ним приходила, помнишь?

— А, помню. Он маленький, драться не будет, — успокоилась Полинка, — я ему свою куклу дам поиграть.

— Вот дурища! Нужна ему твоя кукла! Я ему ножик подарю и кинжал деревянный, который мы с Ванькой вырезали. Ты посиди тут, эге? А я на минуточку к Ванятке сбегая. Никуда не уходи, а то меня мамка прибьёт.

— Эге, посижу... А сахарку дашь?

— Останный кусочек! — возмутился Яшка, напаяливая тулупчик. — Ладно, обжора, дам сахарку.

...Стало смеркаться. Полинка грызла сахар, устроившись на подоконнике.

— Не едут. Мамка сказала, чтобы не ждали, ужинали и спать ложились, — вздохнул Яшка.

Вынул из суднавки ржаной хлеб, разлил по тарелкам щи, достал из ящика обкусанные деревянные ложки. Тут послышался скрип полозьев, стук калитки и приглушённые голоса.

— Приехали, приехали! — запищала Полинка.

Впустив с собой холод, в избу зашёл отец, а следом мать. На руках она держала завёрнутого в тулуп мальчика.

— Приехали, Лёшенька.

Лёша глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Мама... — позвал он, — где мама?

— Я теперь твоя мама, Лёшенька, — сказала мать и вытерла слезинку. — А это твой братик и сестричка, помнишь Яшу и Полю?

— Помню... А где Зайка?

— Тут твоя Зайка. Пригрелась у меня за пазухой, не шебаршилась даже, — усмехнулся отец, расстёгивая тулуп. — Получай своё сокровище!

Пушистая белая кошка очутилась на полу, потянулась, фыркнула и принялась обнюхивать углы.

— Пришлось взять, без кошки и ехать не хотел. Ничего, ей тут работа найдётся, мышей нынче много, — улыбнулась мать. — Давайте ужинать и спать, утомились за день...

* * *

Ещё во сне Яшка почувствовал дразнящий запах сочной с творогом. Протёр сонные глаза, свесил лохматую голову с печки: на столе тоненько посвистывал самовар, а на большом блюде красовались румяные сочни. Ого, да сегодня у них с Полей и Лёшкой будет царский завтрак!

Смеясь и толкая друг дружку, они наскоро умылись у рукомойника — и скорее к столу!

— Как с иконы личико, Матерь Божья... — Мать протянула руку и пригласила Лёше светлые кудри.

Тот поднял от чашки глаза. Что-то трогательное и чистое было в его лице, умных светло-карих глазёнок, скорбно сложенных губах.

— Кушай, кушай, это я так, — спохватилась мать. — Сестрице Софьюшке спасибо, мучицу всю велела забрать. Ещё сказывала, три мешка ржи в сенях стояли, а я не нашла!

— Бабка Клава унесла, — сказал Лёша.

— Как унесла? А ты видел, Лёшенька?

— Нет, не видел, мне мама Соня сказала.

Мать с отцом переглянулись. Поинка открыла было рот, но Яшка пнул её ногой под столом, и сестрёнка смолчала.

— Когда она сказала? — осторожно спросила мать.

— Сейчас.

— Матерь Божья! Как же она могла сказать, Лёшенька? Софьюшка теперь на небе.

— Мама сказала, что не оставит меня и что всегда будет рядом. И чтобы маму Веру я любил и слушался. И что рожь бабка Клава унесла ночью... Мама, можно Зайке молочка?

— Как рука поднялась у сироты кусок хлеба отнять? Тьфу! — сплюнул отец.

Мать вздохнула:

— Что теперича говорить? Не помрём... Яша, в школу опоздаешь — учитель заругает.

— Не заругает, он добрый! Не опоздаю! — отозвался Яшка, но всё же стал торопливо натягивать школьную рубашку.

* * *

Хлеб в ларе быстро заканчивался. За обедом хлебали мучную болтушку, сдобренную малой толикой постного масла, отец с матерью отрезали себе почти прозрачные ломти ржаного хлеба, оставляя куски потолще детям. Отец хмурился и двигал бровями — это означало, что мысли у него были невесёлые.

Однажды Лёша возился с Зайкой, неожиданно бросил игру, с криком натянул валенки и снял с гвоздя шубейку.

Мать чистила у печи картошку, увидела и заволновалась:

— Лёшенька, ты куда?

— Надо-тка. Мама Соня велела.

— Господи! Полинка, дочка, скорее беги за ним, не пускай одного... мал ещё!

Полинку два раза просить не надо, она мигом оделась и выскочила за порог.

— Лёшка, стой! Мамка не велела одному ходить! Да погоди, дай платок завязать!

— Мама Соня сказала, что надо торопиться, — серьёзно ответил Лёша.

— Да куда ты идёшь-то?

— На дорогу. Мама велела идти и ждать.

Они пошли вместе. Полинка вслух недоумевала: ну что им делать на дороге? Пусто там, редко какая лошадёнка проедет, только нищие с котомками ходят, мастеровые да солдаты с тощими вещевыми мешками. Но едва договорила, как послышался скрип полозьев, и на дороге показалась запряжённая в сани заиндеветая лошадь. Незнакомый возница скользнул по Полине и Лёше равнодушным взглядом и уткнул нос в воротник.

Вдруг какой-то пакет выпал из саней, полозья поддели его, и кулёк покатился в занесённую снегом канаву.

— Что-то упало, — сказала Поля и прыгнула туда, где темнела пробоина, провалилась в рыхлый снег по пояс. Голыми стылыми руками нащупала куль, с трудом вытащила его на дорогу.

— Это овсяная мука, — определила Полинка, лизнув ладонь, — да тяжёлый какой кулёк... фунтов пять, а может, и десять.

— Остановим того дяденьку?

— Эва! Он далеко уже, не видать. Пойдём домой, а то мамка волнуется!

Вечером они угощались сытным овсяным киселём, который мамка заварила кипятком из самовара. Кисель сдобрили коровьим маслом, посолили и ели ложками, а Полина десятый раз рассказывала, как кулёк с мукой с воза свалился. Мать ахала, поминала Царицу Небесную и сестрицу Софьюшку.

После сытного ужина у Лёши стали слипаться глаза, его уложили спать на кровати за тёсовой перегородкой. Яшка с Полей устроились на лежанке. Толкали друг друга, споря, кто занял больше места, потом затихли.

Вера перемыла посуду, заглянула в квашню и обмяла тесто; затеплила лампадку у икон, накрытых длинным вышитым полотенцем. И вдруг услышала шорох и голоса за перегородкой.

— Лёшенька, не спишь? Водицы принести?

Она заглянула в спальню и обомлела. На кровати сидела покойная сестра Софья в голубом подвенечном платье, в котором её схоронили. Красивая, будто светящаяся, она гладила Лёшеньку по голове, целовала и тётёшкала, как младенца. А кошка Зайка, недотрога такая, топталась рядом, тёрлась о ноги и урчала.

— Спасибо за Лёшеньку, сестрица Верочка, — проговорила Софья, — лучшей матери для него и не сыщешь. Сердце моё спокойно.

Оцепенение спало, и страх у Веры пропал.

— Я же обещалась, Софьюшка.

— Отец Лёши скоро весточку пришлёт. Он любит сына, но лучше Лёшеньке с тобой жить. Костя ветреный: вернётся и сразу женится,

другие детки народятся... Пускай Лёша с тобой живёт, только тогда я спокойна за него буду.

Софья поцеловала сына и пропала, как будто растаяла в воздухе.

* * *

Утром Вера проснулась поздно, когда корова стала реветь у себя в загородке.

Разбуженный Яшка мигом скатился с печки, торопливо натянул рубаху и штаны, схватил со стола кусок хлеба.

— Лоб перекрести!

— Но мамка, опаздываю же! — попятился к двери Яшка.

— Неслух растёт... — проворчала Вера и добавила, понизив голос: — Вот отцу-то скажу!

Прихлёбывая покрашенный ржаной коркой кипяток, она неожиданно вспомнила:

— Сестрицу Софьюшку во сне сёдня видела. Тётёшкала Лёшу, будто махонького, благодарила меня. Да, говорит, сердце моё спокойно теперь. Ну и слава тебе... Ещё сказала, что Костя объявится, мол, весточку пришлёт.

— Письмо? — поднял брови Егор. — Это хорошо...

Вера подняла глаза и в окно увидела, как через двор идёт почтальон.

— Никак почтарь к нам идёт, — удивилась она и поднялась навстречу: — Здравствуй, Васильич, садись, чайку с нами попей.

Засуетилась, обмахнула полотенцем табурет. Но почтальон отказался — недосуг! Посетовал на долгую зиму, покопался в рыжей сумке и достал пухлый конверт.

— Тебе письмо, Семёновна... Ну, не тебе, а сестре твоей покойной. У неё же никого нет, кроме тебя, вот я и подумал... Возьми, имеешь право. Ну, бывайте!

Вера взяла конверт, взгляделась в обратный адрес.

— От Кости, — прошептала она, — вот тебе и сон в руку...

— Вот так чудеса, больше года пропавшим был или поболее?

— Не знает, бедный, что Софьюшки нет, — всхлипнула Вера и ушла за перегородку читать письмо.